

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

НЕ РУССКИЕ

ИСТОРИЯ СЛУЖЕНИЯ РОССИИ

РУССКИЕ

ИНОЗЕМНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ
СЕМЬИ РОМАНОВЫХ

Александр Соколов

**Нерусские русские. История
служения России. Иноземные
представители семьи Романовых**

«Центрполиграф»

2021

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3

Соколов А. Р.

Нерусские русские. История служения России. Иноземные
представители семьи Романовых / А. Р. Соколов —
«Центрполиграф», 2021

ISBN 978-5-227-09458-2

Быть представителем царской семьи — огромная ответственность. И без всякой натяжки можно сказать, что Романовы были великими тружениками. Острое чувство долга являлось общим практически для всех Романовых. Каждый из них знал, что высокое происхождение не только гарантирует ему материальное благосостояние, но и накладывает серьезные обязанности. Среди биографий членов этой семьи преобладают не жизнеописания легкомысленных жуиров, а истории служения стране — на государственном поприще, на полях сражений, на ниве благотворительности... Именно о служении Романовых России, служении вопреки собственным страстям и рассказывается в книге. Начинается она не с основателя династии Михаила Федоровича, а с его внука Петра I. Такой подход объясняется спецификой задачи, поставленной автором. Речь идет не о том, чтобы поведать о политических и частных тайнах семейства. Тайны Романовых будут рассматриваться постольку, поскольку будут работать на главный замысел книги, заключающийся в том, чтобы разрушить расхожий миф о чуждости Царского дома стране, которой он правил. В основе этого мифа лежат рассуждения о преобладании в крови представителей правящей династии иноземной крови над русской. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3

ISBN 978-5-227-09458-2

© Соколов А. Р., 2021
© Центрполиграф, 2021

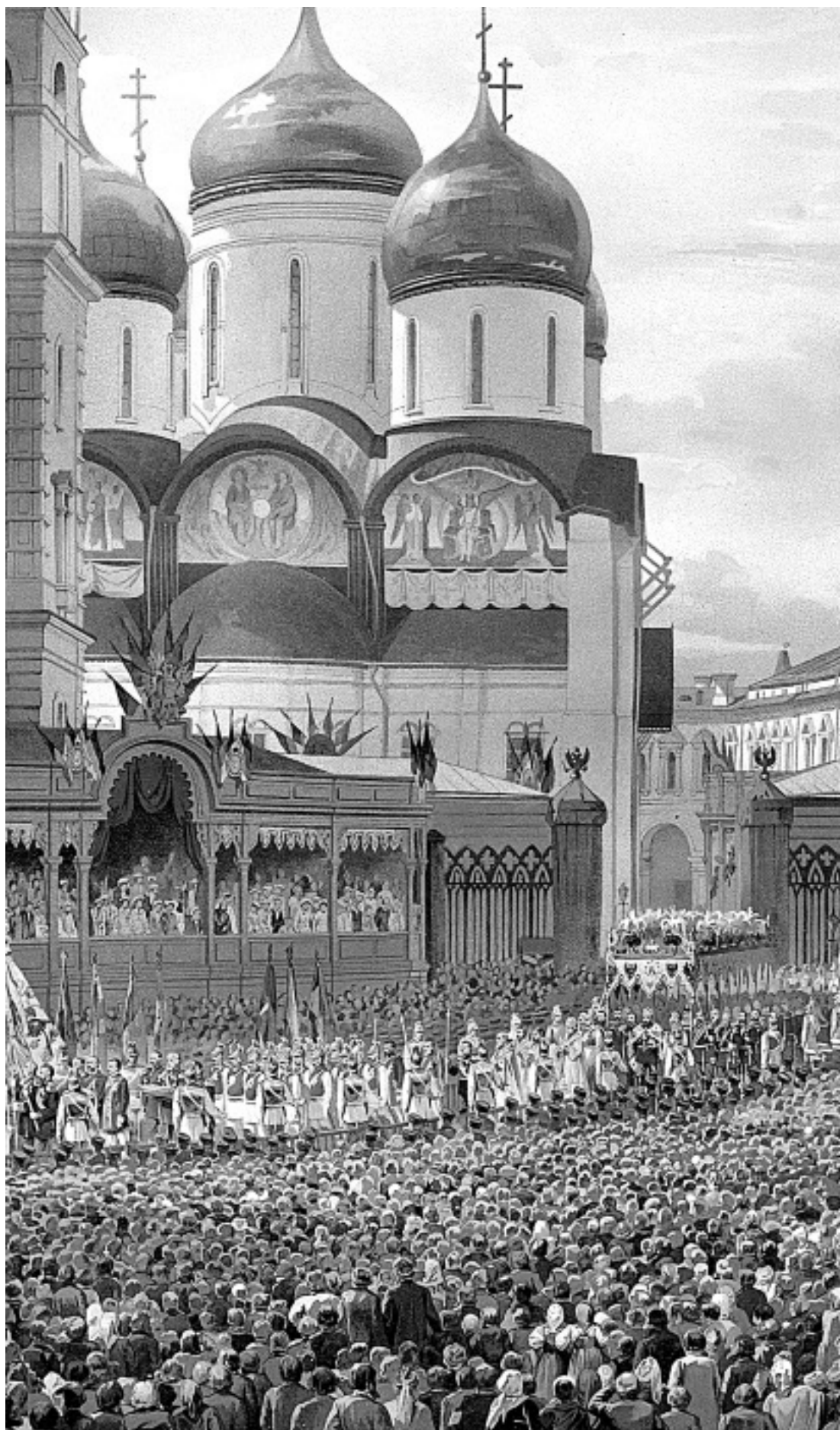
Содержание

Вступление	9
Часть I	12
Становление самодержца	12
Царь с Кукуя	22
Великое посольство	28
Жизнь по новому времени	34
Романовы и Габсбурги. Начало романа	37
Царевич Алексей и принцесса Шарлотта	41
Большая политика и династический тупик	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Соколов
Нерусские русские. История
служения России. Иноземные
представители семьи Романовых

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

© Соколов А.Р., 2021

© «Центрполиграф», 2021

Вступление

Однажды выдающийся историк Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879), рассуждая о степени «нерусскости» Романовых, взял стакан, дно которого было покрыто вином, и, упоминая о браке очередного монарха из этой династии с иностранкой, добавлял в него равную по объему порцию воды. Из рассуждений ученого следовало, что царь Александр II был русским лишь на $\frac{1}{32}$. По такой логике последний император Николай II – русский на $\frac{1}{128}$.

Советские историки, пересказывая этот эпизод, умалчивали, что никаких выводов об отсутствии у Романовых патриотизма их маститый коллега и предшественник не делал. Более того, являясь «западником», Соловьев только приветствовал процессы вестернизации и расширения связей с Европой по всем направлениям, в том числе и в династической сфере.

Зато эти выводы, причем весьма пристрастные и голословные, постоянно декларировала оппозиция, заявлявшая что Романовым как представителям нерусской династии были глубоко безразличны заботы и чаяния представителей государствообразующей нации, не говоря уж о входивших в состав империи нациях поменьше. А что же тогда их волновало? По логике оппозиции получалось, что цари и их родственники мечтали лишь жить в свое удовольствие и набивать собственные карманы.

В реальности все, кто соприкасался с царской семьей, знали, какая нагрузка и какая ответственность лежит на ее представителях. И, как ни удивительно звучит подобный тезис, без всякой натяжки можно сказать, что Романовы были в первую очередь великими тружениками.

Это, конечно, не значит, что тружениками были все Романовы без исключения и что только государственные заботы поглощали их время с утра до ночи. Известная поговорка «В семье не без урода» подходит для любого семейства, тем более семейства правящего, все представители которого находятся на виду, под пристальным и заинтересованным вниманием публики. Так что случались в семье и скандалы, и интриги, и даже убийства. Но что являлось общим практически для всех Романовых – это остро сознаваемое чувство долга, накладываемого высоким происхождением. Каждый из представителей семьи знал, что именно это высокое происхождение не только гарантирует ему определенный и достаточно высокий уровень материального благосостояния, но и накладывает обязанность служить государству, элитой которого он является. И чем более высокое положение в семье занимал конкретный ее представитель, тем более широким и разнообразным оказывался круг его обязанностей.

Порой от этих обязанностей пытались отлынивать, от них стремились бежать в семейную жизнь и в любовные романы, кидались в омуты развлечений и отправлялись в дальние путешествия. Но даже поступая таким образом, конкретные Романовы помнили о висящем над ними чувстве долга и, сознавая свою вину, снова возвращались к служению. Можно сказать, что каждый конкретный Романов должен выдержать борьбу с собственными демонами, не всегда, к сожалению, заканчивавшуюся победой. Но среди биографий членов этой семьи все же в первую очередь преобладают не жизнеописания легкомысленных жуиров, а именно истории служения стране – на государственном поприще, на полях сражений, на ниве благотворительности.

Именно о служении Романовых России, служении вопреки собственным страстям, служении с победами и ошибками, и рассказывается в этой книге.

Называется она «Нерусские русские» и начинается не с основателя царствующей династии Михаила Федоровича, а с его внука Петра I. Такой подход объясняется спецификой задачи, поставленной автором. Речь в книге идет не о том, чтобы в очередной раз поведать о политических и частных тайнах семейства. Большинство этих тайн давно извлечено на свет Божий. О них рассказывается в огромном количестве других научных исследований и научно-

популярных работ, хотя большинство читателей знают об этих тайнах преимущественно по публикациям «желтой» и «околожелтой» прессы.

Тайны Романовых будут рассматриваться постольку, поскольку будут работать на главный замысел книги, заключающийся в том, чтобы разрушить расхожий миф о чуждости Царского дома стране, которой он правил, – России. В основе этого мифа как раз и лежат рассуждения о преобладании в крови представителей правящей династии немецкой крови над русской. Здесь, конечно, можно вспомнить о том, что первый достоверно известный представитель династии боярин времен Ивана Калиты и Симеона Гордого Андрей Кобыла (умер в 1347 г.) приехал «из немец», из «прусской земли», но такие сведения носят, скорее, легендарный характер.

Бесспорно, что первые три царя из Романовых – Михаил Федорович, Алексей Михайлович и Федор Алексеевич – были русскими по крови на все сто процентов.

Стопроцентно русским был и Петр I, но именно с его личностью связан важный процесс, изменивший и образ жизни, и, если так можно сказать, генофонд семейства.

Именно при Петре I Россия начала интегрироваться в Европу и, в сущности, стала ее органической частью. Эта интеграция происходила разными способами: путем копирования жизненного уклада, заимствования технических новинок, привлечения иноземных специалистов и структурной перестройки всего государственного механизма.

Одной из форм такой интеграции являлись и междинастические браки, позволившие Романовым породниться с представителями других правящих домов и стать органической частью европейской элиты.

Установившаяся начиная с детей Петра I практика, когда великие князья и княгини из Дома Романовых вступали в брак с принцами и принцессами из небольших немецких княжеств, объяснялась целым рядом прагматических факторов. Большое количество девиц на выданье давало широкую возможность выбора, а их желание породниться с династией, правившей в одной из сильнейших держав Европы, оказывалось столь сильным, что они, как правило, не выдвигали при заключении брака никаких дополнительных условий, безропотно переходя в православие.

Показательно, что происходило с ними после приезда в Россию. Обширная, богатая и многоликая страна производила на них сильнейшее впечатление, и они становились истовыми ее патриотами – в качестве одного из наиболее ярких примеров можно назвать стопроцентную немку по крови Екатерину II. При этом лишь два монарха из Дома Романовых публично демонстрировали и постоянно заявляли, что европейский уклад жизни им ближе российского. Речь идет о Петре I (русский на 100 %) и Петре III (русский на 1/8). Но этих двух государей, при всей разнице в масштабах личности, также нельзя обвинить в отсутствии патриотизма.

Начиная с Петра I Европа стала для России образцом более разумного политического, социального и экономического устройства. Однако образец воспринимался Романовыми критически, так что при переносе западных моделей на российскую почву они всегда адаптировались под местные реалии. «Правительство у нас единственный европеец в России», – писал А.С. Пушкин, подразумевая под правительством именно правящую династию и отдавая должное последовательности, с которой ее представители осуществляли модернизацию России.

Но даже увлекаясь западными образцами, в критические для страны периоды российские монархи всегда оказывались на высоте положения. Так, считавшийся последовательным «западником» Александр I в 1812 году возглавил борьбу против самой крупной из существовавших когда-либо армий, представлявшей практически всю Европу и двигавшейся на восток якобы с целью «цивилизировать варваров». Формально получалось, что русский царь вступил в бой с фальшивыми западными идолами «свободы, равенства, братства», прикрывавшими личные амбиции Наполеона и мечту французской буржуазии о мировой гегемонии. Униженная

и перепуганная Европа прекрасно понимала, на чьей стороне правда, и уже спустя несколько месяцев, после первых русских успехов, переметнулась на сторону победителя.

Разумеется, чувство благодарности было чуждо освобожденным, так что эпическая борьба русского царя на Венском конгрессе за установление более разумного и справедливого европейского устройства отняла у него не меньше сил, нежели борьба с грозным Бонапартом.

С другой стороны, именно на Венском конгрессе в действиях Александра I проявилась еще одна черта, присущая нерусским русским из династии Романовых, – их способность выступать в качестве идеологов, предлагавших миру модели, альтернативные дискредитировавшим себя либерально-расистским моделям западных идеологов, позиционировавших Европу (а позже и Америку) как образец для некритичного подражания.

Во всяком случае модель, предложенная Александром I, позволила Европе относительно благополучно пережить XIX век и рухнула только в 1914-м. Более продолжительного относительно стабильного периода ни Европа, ни мир больше не знали, и узнают ли еще – Бог ведает.

Особая статья – воспитанные в иной вере и принявшие православие немецкие принцессы, своей жизнью, делами, а в случае с сестрами Александрой и Елизаветой Федоровной еще и мученической смертью, доказывавшие искренность своего обращения. Фактически перед нами примеры, когда предлагаемый Россией идеологический, цивилизационный «набор» оказывается более конкурентоспособным по сравнению с «набором», предлагаемым западной цивилизацией. Причем критерием «конкурентоспособности» является даже не количество адептов, а их готовность пойти на смерть ради изначально чужих, но ставших своими идеалов.

В книге «Нерусские русские» в представленных биографических очерках читатели ознакомятся с целой галереей персонажей. И здесь надо помнить, что все они являются не просто историческими персонажами, а живыми людьми, с разным успехом ведущими борьбу не только со внешними обстоятельствами, но и со своими страстями-«демонами», пытающимися отвлечь их от исполнения чувства долга, заключающегося в служении своей Родине. Иногда люди проигрывают и почти незаметно сходят с исторической сцены. Но чаще всего «демоны» оказываются побежденными, и, отдав должное своим страстям и капризам, очередной царь или царица, великий князь или великая княгиня уходят из жизни достойно, оставив после себя усилившуюся армию, мощный флот, гуманные законы, прекрасные музеи, передовые хозяйства, больницы для бедных или монашеские обители. Уходят в большинстве случаев смиренно и достойно, как подобает патриотам и людям православным.

Обстоятельства смерти человека зачастую по-новому высвечивают даже самые неоднозначные эпизоды его жизни. И, рассматривая биографии Романовых, автор постоянно помнит об их пресловутой «нерусскости», которая зачастую не мешает им проявлять себя более пылкими патриотами России, чем самые русские по крови их подданные.

Этот удивительный феномен позволяет по-новому оценить и фактор национальности вообще, и удивительную мощь русской цивилизации, при вовлечении в орбиту которой человек избавляется от вещей наносных, случайных, вторичных.

И если подданные Дома Романовых служили «Вере, Царю и Отечеству», то сами Романовы, увенчанные царским венцом, служили «Вере, Отечеству, Людям».

Часть I

Самый русский из «нерусских» – Петр I (1672–1725)

Становление самодержца

Петр I – последний царь стопроцентно русского происхождения, которое ни у кого не вызывало сомнений. И в то же время именно в его деятельности ориентированность на Запад, на последовательную вестернизацию Святой Руси и превращение ее в классическую европейскую державу проявляется особенно четко и планомерно.

Об этом дружно и в унисон говорят практически все историки, даже в тех случаях, когда само петровское царствование они оценивают диаметрально противоположным образом. Для одних реформы Петра – безусловное благо, для других – искривление органического пути России, лишившее ее национальной самобытности и приведшее ко многим бедам позднего времени.

Реальность намного сложнее. Глубже других двойственный смысл петровских реформ постиг А.С. Пушкин, считавший, что, помимо модернизации страны, они диктовались стремлением ограничить властные поползновения дворянства, снизить сословные барьеры и придать большую мобильность социальным процессам, а также укрепить «вертикаль» самодержавной власти.

Прочие последствия, обозначившиеся в долгосрочной перспективе, мало заботили царя-реформатора, хотя их последствия вряд ли вообще им просчитывались: «Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон. Аристократия после него неоднократно замышляла ограничить самодержавие: к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож, и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма, и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы»¹.

Резонанс, вызванный петровскими преобразованиями, в разных слоях общества был далеко не одинаковым, во всяком случае, они не воспринимались как переход в некое иное измерение. Постепенное движение Руси к сближению с Западом было процессом органическим, а периоды конфронтации не только не препятствовали движению навстречу друг другу, но и способствовали взаимному узнаванию.

Представлять дело таким образом, будто прозападные настроения Петра I возникли и проявились в нем в силу каких-то личных особенностей, будет большим преувеличением, поскольку западный дух издавна витал над московскими палатами, а иностранные специалисты приглашались в Московское государство и оказывались востребованными в самых различных сферах государственной жизни.

¹ Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в. // Полн. собр. соч. Т. 8. Л., 1978. С. 89–93.

Правда, движение Руси в сторону Европы было до определенной степени односторонним. Московское царство долгое время воспринималось Западом как азиатское и чуждое по своему цивилизационному типу государство.

Такое восприятие отчасти объяснялось тем, что Европа привыкла смотреть на Россию через польские «очки», которые, разумеется, искажали реальную картину. Речь Посполитая начиная с Ивана Грозного оставалась главным ретранслятором европейской культуры в «холодную и дикую Московию» и одновременно выступала в качестве барьера, мешавшего прямым контактам России с другими европейскими странами. В такой ситуации польская элита предпочитала позиционировать свою страну как «щит», оберегавший Запад от «московского варварства».

Разумеется, это не значит, что у Москвы отсутствовали прямые контакты с другими европейскими державами и конкретными их представителями в лице бизнес-сообществ, технических и военных специалистов, людей творческих профессий.

Но любые двухсторонние отношения, как правило, представляют собой роман с отдельным сюжетом. И отношения Москвы с германскими государствами, Австрией, Англией, Голландией, Италией, Францией тоже развивались по разным сценариям.

Вплоть до начала XVIII века острые противоречия в Европе имелись у России только с Речью Посполитой и Швецией. Эти две страны, в свою очередь, являлись противниками и представляли разные если не цивилизационные, то культурно-идеологические модели, которые условно можно назвать католической и протестантской. Первая модель ассоциировалась у жителей Московской Руси с образом «ляха», а вторая – с образом «немца», причем последний из этих этнонимов имеет хождение только в русском языке и происходит от слова «немой», в смысле «не умеющий изъясняться на понятном языке»².

² Черных П.Я. Историко-этимологический словарь. Т. 1. М., 1994. С. 564.

Петр I в юношеские годы

Детские и юношеские годы родившегося 30 мая 1672 года царевича Петра Алексеевича складывались таким образом, что, с одной стороны, он должен был испытывать неприязнь к

традиционному старомосковскому укладу дворцовой жизни, а с другой – проникнуться симпатией к европейским обычаям и нравам в их «протестантском», «немецком» варианте.

Случай Петра вообще весьма нетипичен, поскольку процесс воспитания вероятного наследника Московского престола предполагал формирование у него приверженности традициям, а также повышенной самооценки и значимости собственной личности. Однако после кончины в 1676 году его отца – Алексея Михайловича (1629–1676; правил с 1645 г.) ни воспитанием, ни образованием Петра никто всерьез не занимался, так что вплоть до конца жизни он писал с многочисленными ошибками.

Детство Петра пришлось на правление его сводного брата – Федора Алексеевича (1661–1682), политика которого была проникнута идеей сближения с Европой.

Воспитатель Федора Алексеевича – просветитель, уроженец Белоруссии монах Симеон Полоцкий (1629–1680), прививший своему питомцу интерес к польской культуре. По мнению ряда исследователей, царь, хотя и не афишировал, но умел читать и писать по латыни, входившей в обязательную программу хорошо образованного польского шляхтича. На заседаниях Боярской думы ему и другим участникам совещаний зачитывали обзоры западной прессы. Более того, борьба с Турцией и Крымским ханством на Украине способствовала тому, что Московское царство примкнуло к антиосманской коалиции в составе Австрийской империи, Речи Посполитой, Венеции, Папского государства. По сути, это первый в отечественной истории случай, когда Россия на основании нескольких международных договоров стала полноценным участником международного альянса.

Царь Федор Алексеевич

Ближайшими сподвижниками царя были слывшие полонофилами постельничий Федор Максимович Языков и стольник Алексей Тимофеевич Лихачев. С их подачи царь Федор первым из русских царей стал брить лицо и запретил появляться при Дворе в традиционных охабнях и однорядках. Именно Языков и Лихачев устроили его брак с дочерью кашинского воеводы

Агафьей Семеновной Грушецкой, которую государь увидел во время крестного хода. После этого, в соответствии с обычаем, организовали смотр невест с заранее определенным результатом. Представители клана Милославских попытались оклеветать Грушецкую, обвинив ее в добрачных связях, но их интригу вскрыли именно благодаря Языкову.

В результате царь Федор женился на незнатной дворянке, которую к тому же называли «полячкой» (дело в том, что ее отец, хотя и будучи русским по крови, до переезда из Смоленска в Москву состоял на польской службе). Царственные супруги по-настоящему любили друг друга, однако царевна Агафья и рожденный ею сын Илья умерли при родах. Второй брак Федор заключил с Марфой Матвеевной Апраксиной (сестрой будущего сподвижника Петра I генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина), но умер через два месяца после свадьбы.

А.С. Матвеев

В первые месяцы царствования Федора Алексеевича ведущую роль в делах управления играл боярин Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682), которого часто называют «первым российским западником». Ему принадлежит честь создания придворного театра, первой в Москве аптеки и типографии при Посольском приказе. Дом этого вельможи отражал его тягу к европейскому бытовому укладу – интерьеры оформлены на европейские манер, с разрисованным потолком, зеркалами и картинами немецких художников, тематика которых, впрочем, ограничивалась сюжетами из библейской истории. Супруга боярина, вопреки «домостроев-

ским» нравам, часто появлялась в мужском обществе, а его сын Андрей (1666–1728) получил образование европейского типа, позволившее ему впоследствии с успехом выступать на дипломатическом поприще. Кругозор самого Артамона Сергеевича внушал уважение современникам: ему принадлежит авторство «Истории русских государей, славных в ратных победах, в лицах» и «Истории избрания и венчания на царство Михаила Федоровича», а также составление и редактирование «Царского титулярника», представлявшего собой своего рода справочник по монархам и первым лицам мировой политики³.

Ставшего жертвой дворцовых интриг Матвеева отправили в ссылку, но вернули ко Двору сразу после кончины Федора Алексеевича, когда у власти на недолгое время оказался клан Нарышкиных, к которому принадлежала и мать Петра I царица Наталья Кирилловна.

³ Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII века. СПб., 1906. С. 25–55.

Князь В.В. Голицын

Противники Нарышкиных сгруппировались вокруг дочери Алексея Михайловича от первого брака и сводной сестры Петра царевны Софьи. Спровоцированный ими стрелецкий бунт привел к тому, что царская резиденция оказалась захвачена мятежниками, а наиболее видные сторонники Натальи Кирилловны, включая боярина Матвеева, убиты.

Достигнутый затем формальный компромисс предусматривал занятие престола сразу двумя монархами – Петром I и его старшим, но слабоумным братом Иваном. Реальная же

власть досталась царевне Софье и ее фавориту князю Василию Васильевичу Голицыну (1643–1714), также имевшему репутацию «западника».

Правда, в отличие от Матвеева, позитивно воспринимавшего Европу и в католическом, и в протестантском ее вариантах, Голицын явно тяготел к католикам и их «боевому авангарду» – ордену иезуитов. Ориентиром для него были Италия и Речь Посполитая, но, разумеется, не их политическая система, а культура и уклад жизни. С.М. Соловьев приводит воспоминания одного из иностранных дипломатов, побывавшего в гостях у богатого и образованного вельможи: «Я думал, что нахожусь при дворе какого-нибудь италийского государя. Разговор шел на латинском языке обо всем, что происходило важного тогда в Европе; Голицын хотел знать мое мнение о войне, которую император и столько других государей вели против Франции, и особенно об английской революции; он велел мне поднести всякого сорта водок и вин, советуя в то же время не пить их. Голицын хотел населить пустыни, обогатить нищих, дикарей, сделать их людьми, трусов сделать храбрыми, пастушеские шалаши превратить в каменные палаты. Дом Голицына был один из великолепнейших в Европе»⁴.

В правление Софьи и Голицына (1682–1689 гг.) Россия продолжила и попыталась активизировать свое участие в антитурецкой коалиции, что, впрочем, объяснялось не только стремлением развивать политические связи с Европой, но и самой логикой борьбы с Османской империей, предпринявшей последнюю и едва ли не самую масштабную попытку расширить свою сферу влияния в Европе. Поход на Вену в 1683 году едва не закончился падением австрийской столицы, однако своевременное прибытие польской армии, возглавляемой королем Яном III Собеским (1629–1696; правил с 1674 г.), не просто изменило ход кампании, но и привело к поражению, положившему предел турецкой экспансии.

Россия в этот период не смогла внести сколь-нибудь заметную лепту в борьбу с турками, а два предпринятых Голицыным похода в Крым (1687 и 1689 гг.) закончились неудачами.

⁴ Цит. по: С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. <https://www.profilib.com/chtenie>.

Царь с Кукуя

Таким образом, личность Петра I сформировалась под влиянием тенденций, отражавших новые внутри- и внешнеполитические реалии Московского государства. Стрелецкий бунт 1682 года имел продолжение в последующих попытках стрельцов выступать в роли своего рода «преторианской гвардии», по своему усмотрению возводящей и ниспровергающей монархов с престола, что свидетельствовало о кризисе существующей государственной системы и падении авторитета царской власти. Для Петра эти стрелецкие мятежи стали глубоким потрясением, что, в общем, не удивительно, поскольку на его глазах восставшие убивали его приближенных и родственников, да и его собственной жизни не раз угрожала вполне конкретная и осязаемая опасность.

Царевна Софья

Сумев в августе 1689 года отстранить царевну Софью от власти, царь, бесспорно, должен был задуматься и об изменениях в системе управления, и о подавлении боярско-аристократи-

ческой оппозиции, и о создании войска, на преданность которого он мог положиться. Однако реальное и очень активное участие Петра I в делах управления началось только с 1695 года, т. е. с кончины его матери Натальи Кирилловны (1651–1694). Шесть лет, прошедшие между этими двумя датами, он провел, ведя достаточно вольный образ жизни и приобщаясь к западной европейской культуре, посещая московскую Немецкую слободу, именуемую по протекавшему в тех местах ручью Кукуем.

Интересную версию происхождения этого названия дал германский дипломат XVII века Адам Олеарий: «Когда, бывало, жившие там жены немецких солдат увидят что-либо странное в проходящих случайно русских, то говорили обыкновенно между собою „Kuck, Kucke sie!“ – „Глянь, глянь сюда!“ Что русские повернули в срамное слово: „Немчин, мчись на...“ Немцы жаловались царским дьякам на позорное поношение, те хватали, кнутобойничали, но охальники не переводились»⁵.

При Василии III (правил в 1505–1533 гг.) приезжие иностранцы селились в Наливках, где вели очень закрытый образ жизни. После разорения Москвы в 1571 году крымскими татарами царь Иван Грозный выделил иностранцам новый участок, причем первыми поселенцами на Кукуе были немецкие и прибалтийские пленники, захваченные в период Ливонской войны (1558–1583 гг.).

Впрочем, история первого Кукуя оказалась короткой. Местное русское население стало жаловаться, что иноземцы спаивают православных и занимаются ростовщицеством, после чего слободу сожгли, а ее жители, по свидетельству французского путешественника Маржерета, были «зимой изгнаны нагими, в чем мать родила»⁶.

При Борисе Годунове (правил в 1598–1605 гг.) слобода возродилась, затем снова была сожжена и вторично возродилась уже в царствование первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича (1613–1645).

При этом царе и его сыне (отце Петра I) население Кукуя значительно увеличилось за счет не только торговцев, но и иностранных специалистов, среди последних преобладали военные. Еще в 1630 году, в период подготовки очередной войны с Польшей, преимущественно из иностранных наемников было сформировано два полка «иноземного строя», экипированные и обученные по европейским лекалам.

Эти соединения продемонстрировали высокую боеспособность, и на протяжении последующих пяти десятилетий в «полки иноземного строя» постепенно переформировывались другие соединения, укомплектовывавшиеся в том числе российскими дворянами и казаками. Более того, мужское население целых деревень, находившихся в государственной собственности, поголовно записывалось в рейтары, драгуны или гусары.

В ходе начавшейся в 1654 году войны с Польшей в полки иноземного строя набрали не менее 100 тысяч человек, из которых на службе к 1663 году находилось 50–60 тысяч человек в 55 солдатских полках. В мирное время численность полков иноземного строя сократилась, затем снова выросла в период войны с Турцией⁷.

В 1681 году в русской армии имелось 33 солдатских (61 тыс. чел.) и 25 драгунских и рейтарских (29 тыс. чел.), что вместе с гусарскими поселенными полками составляло более половины всего русского войска.

Эта огромная сила могла успешно противостоять ненадежным стрелецким полкам и вполне естественно, что именно полки иноземного строя стали той основой, на которой Петр

⁵ Олеарий А. Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию. <https://www.vostlit.info/Texts/rus7>.

⁶ Маржерет Ж. Россия в начале XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 54.

⁷ Гордон П. Дневник. 1659–1667. М., 2003. С. 248–252.

І вскоре приступил к созданию регулярной русской армии, комплектовавшейся системой рекрутских наборов.

Командные должности в полках «иноземного строя» в значительной степени занимали именно иностранные профессионалы, чуждые русской аристократии и ориентирующиеся на волю монарха, образец такого профессионала – Патрик Гордон (1635–1699), ставший главным исполнителем военной реформы.

Естественно, что после стрелецких бунтов, пытаясь найти надежную вооруженную опору престола, Петр І искал поддержки именно среди иностранных офицеров, карьеры которых, в свою очередь, зависели от его личного расположения.

С ними царь и общался во время своих посещений Немецкой слободы, хотя, разумеется, эти визиты объяснялись не одними только политическими расчетами.

Жизнь на Кукуе сильно отличалась от жестко регламентированной жизни царского двора, с правилами которого Петр І был вынужден до поры до времени считаться. Здесь он мог познакомиться с совершенно иным, достаточно привлекательным и менее официозным образом жизни, испытать приятные приключения (вроде романа с Анной Монс) и устроить веселую гулянку.

А. Монс

Бурлящая в молодом царе энергия выплескивалась в шалости – вроде устройства «Всешутейшего, Всепьянейшего и Сумасброднейшего собора» с введением должности «патриарха Московского, Кокуйского и вся Яузы». Однако распространяемый недоброжелателями вывод о том, что подобные шалости свидетельствовали об отсутствии у Петра I патриотизма, неприязни к православию и тайной приверженности к лютеранству, является сильно преувеличенным. Отношение царя к вере предков сходно с простонародным, что объясняется пробелами в его образовании. Он слабо разбирался в догматах и не испытывал особого почтения к конкретным представителям церковной иерархии, многие из которых также не блистали интеллектом

и нравственными добродетелями, но при этом не мыслил себя вне православия, являвшегося основой и духовной скрепой его мировоззрения⁸.

В широко известном фильме Владимира Петрова «Петр Первый» (1937–1938 гг.) весьма драматично показан эпизод из начального периода Северной войны, когда после утраты под Нарвой большей части артиллерии было принято решение переплавить на пушки некоторое количество колоколов православных храмов.

Этот эпизод трактуется авторами как патриотический акт, совершаемый, однако, с демонстративным пренебрежением к мнению Церкви. За кадрами остается принципиально важный момент: из колоколов действительно отлили 100 больших и 143 малых пушек, 12 мортир и 13 гаубиц. Но колокольная медь оказалась непригодной, и оставшиеся колокола остались невостребованными и были возвращены в храмы. Более того, в конце Северной войны понесенный церквами ущерб царь возместил с лихвой как новыми колоколами, так и финансовыми пожертвованиями⁹.

При Петре I возвели достаточно много новых храмов, он соблюдал церковные праздники, хотя не слишком соблюдал пост, ссылаясь на состояние здоровья или на то, что находится в путешествии. Но подобные с «хитрецей» отношения с Церковью вообще характерны для людей его времени¹⁰.

Самым важным и судьбоносным мероприятием царя в этой сфере стало последовавшее в 1700 году фактическое упразднение поста главы Православной церкви – патриарха. В качестве административной структуры, отвечавшей за религиозную жизнь страны, учрежден Святейший Синод, представлявший собой коллегиальный орган из высших иерархов и контролируемый назначаемым государем чиновником – обер-прокурором. Таким образом, Церковь окончательно утратила роль своеобразного арбитра, способного своим нравственным авторитетом воздействовать на светскую власть. Но данный факт следует учитывать не как свидетельство пресловутой «стихийной антирелигиозности» Петра I, а рассматривать в контексте общих для всей Европы абсолютистских тенденции, выразившихся в постепенном усилении влияния государства на Церковь.

Показательно, что факт упразднения патриаршества официально не афишировался, и основная масса населения просто не обратила внимания, что после кончины патриарха Адриана его преемник так и не был назначен, а все решения стали приниматься неким Святейшим Синодом. Когда смысл случившегося стал очевиден, с устоявшимся порядком вещей все уже смирились¹¹.

В начале петровского царствования новым и раздражающим многих русских явлением становится возведение иноверческих протестантских храмов, но такой шаг был логично продиктован стремлением крепче привязать иностранных специалистов.

Но эти специалисты ни в коем случае не единственная опора государя. Будучи трезвым реалистом, Петр I понимал, что приверженные лично ему иностранцы ни в коем случае не могут стать главной опорой престола, и, гуляя в Немецкой слободе, не забывал работать над формированием собственной «команды» из молодых соотечественников. Структурой, в которой формировалась такая команда, стали два гвардейских полка – Преображенский и Семёновский, сформированные из товарищей царя по детским играм, носивших название «потешных».

⁸ *Кашин Н.И.* Поступки и забавы императора Петра Великого // *Петр Великий*. СПб., 2003. С. 126–128.

⁹ *Митюрин Д.В.* Богохульник на престоле? // *Загадки истории*. 2012. № 14. С. 8–9.

¹⁰ *Самарин Ю.Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Соч. Т. 5. М., 1880. С. 178–191.

¹¹ *Будин П.А.* Петр Великий и Церковь // *Царь Петр и король Карл*. М., 1999. С. 80–82.

Именно из превратившихся в гвардейцев «потешных», почти исключительно русских по национальности, и вышли все основные деятели петровского царствования, причем большинство из «потешных», в свою очередь, принадлежали к старейшим родам России.

Находясь в явном противостоянии со старой аристократией, Петр I опирался не столько на иностранцев, сколько на своих более молодых соотечественников, представлявших самые разные сословия, не исключая и боярство.

Великое посольство

Взяв после кончины матери бразды правления в свои руки, молодой царь, даже при всех явных пробелах в образовании, оказался хорошо подготовлен и к своей ответственной миссии, и к осуществлению уже назревших преобразований. Как писал В.О. Ключевский: «Реформа Петра сама собою вышла из насущных нужд государства и народа, инстинктивно почувствованных властным человеком с чутким умом и сильным характером, талантами... Реформа, совершенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка, установившегося в этом государстве, не направлялась задачей поставить русскую жизнь на непривычные ей западноевропейские основы, ввести в нее новые заимствованные начала, а ограничивалась стремлением вооружить Русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами, умственными и материальными, и тем поставить государство в уровень с завоеванным им положением в Европе... Начатая и введенная верховной властью, привычной руководительницей народа, она усвоила характер и приемы насильственного переворота, своего рода революции. Она была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников»¹².

Осуществляя назревшие преобразования, Петр должен был иметь некую модель для подражания, и вполне естественно, что эту модель он позаимствовал именно из христианской Европы, а не из какого-либо азиатского царства вроде Турции или Китая. Другое дело, что все заимствования производились Петром достаточно критично и осмысленно. Более того, хорошо ознакомившись с европейской жизнью в ее искаженном кукуевском варианте, царь решил ознакомиться с первоисточниками, осуществив такое невиданное в русской истории дело, как путешествие за границу.

¹² Ключевский В.О. Курс русской истории. <http://profilib.com/> chtenie.

Ф.Я. Лефорт

В составе отправившегося в марте 1697 года Великого посольства Петр I следовал инкогнито, под именем урядника Преображенского полка Петра Михайлова. Факт этот не представлял особой тайны, но и не афишировался, что должно было, с одной стороны, обеспечить подобающее внимание принимающих, а с другой – избавить царя от излишнего внимания публики. Официально в порядке старшинства посольство возглавляли ближайший приятель монарха швейцарец Франц Яковлевич Лефорт (1655–1699), один из самых приближенных к нему аристократов Федор Алексеевич Головин (1650–1706) и, пожалуй, самый опытный из российских дипломатов того времени дьяк Прокофий Богданович Возницын (? – после 1699). Официальной целью миссии указывалось укрепление существующего антитурецкого альянса, хотя всем было понятно, что в данном случае можно обойтись без снаряжения такой многочисленной и представительной делегации. Известный дипломат Петр Павлович Шафиров (1669–1739) указывал, что действительные цели царя были иными. «1). Видеть политическую жизнь Европы, поскольку ни он сам, ни его предки не видели. 2). По примеру европейских стран устроить свое государство в политическом, особенно в воинском порядке. 3). Своим примером побу-

дить подданных к путешествиям в чужие края, чтобы воспринять там добрые нравы и знания языков»¹³.

Ф.А. Головин

¹³ Цит. по: Духопедьников В. Петр I. Харьков, 2011. С. 57.

П.П. Шафиров

Весьма убедительной представляется и прагматично-патриотичная трактовка Великого посольства, данная историком Н.Н. Молчановым: «Западная Европа была, да и остается сейчас, в неоплатном долгу перед нашей Родиной. Отправляясь с Великим посольством в Европу, Петр хотел что-то получить по этому долгу, хотя бы ничтожную компенсацию в виде освоения некоторых технических достижений Европы. Петр не создавал заново русскую цивилизацию, она существовала до него. Он стремился возродить ее на новой основе. Верно, что Петр ехал учиться. Но ехал с чувством собственного достоинства. Он знал историю (читал Нестора!) и понимал, что отсталость страны, как и ее прогресс, – преходящие исторические состояния, результат естественной неравномерности развития стран и народов. У него не было оснований для какого-то чувства извечной национальной неполноценности. И уж, конечно, ни в коем случае гений Петра не был подражательным. В этом легко убедиться, бросив взгляд на то, что

представляла собой Европа во время Великого посольства и что именно брал Петр у Европы, точнее не брал, а покупал, и притом за очень дорогую цену»¹⁴.

Первая продолжительная остановка Великого посольства имела место в Риге, где комендант города отказал Петру I в просьбе осмотреть фортификационные сооружения. Не без оснований считается, что этот эпизод укрепил царя в его антишведских настроениях, хотя, разумеется, сам по себе никак не мог послужить поводом для будущей войны со Швецией.

В Кенигсберге он встречался с прусским курфюрстом (будущим королем) Фридрихом III и в ходе неофициальных переговоров обозначил интересы России в Прибалтике и Германии, положив начало русско-прусскому партнерству, пускай и со сбойми, но действовавшему до самого объединения Германии в 1870 году. Тогда же им были разработаны конкретные мероприятия, способствовавшие избранию на польский престол саксонского курфюрста Августа II.

Показательно, что, впервые очутившись за границей, Петр I отнюдь не пребывал в эйфории и не демонстрировал никакого преклонения перед европейцами, а внимательно изучал их, обращая внимание именно на те аспекты, которые представляли особый интерес при выстраивании отношений с конкретной державой. Больше всего царя интересовали Голландия и Англия как страны, где можно приобрести опыт и нанять специалистов, разбирающихся в судостроении, мореходстве, заводском деле. Соответствующим образом Петр I выстраивал программу своего пребывания в Амстердаме, Саардаме, Зандаме, Утрехте, Лондоне, Портсмуте, Вуличе.

В.О. Ключевский по этому поводу заметил: «По-видимому, у Петра не было ни охоты, ни досуга всматриваться в политический и общественный порядок Западной Европы, в отношения и понятия людей западного мира. Попав в Западную Европу, он прежде всего забегал в мастерскую ее цивилизации и не хотел идти никуда дальше, по крайней мере, оставался рассеянным, безучастным зрителем, когда ему показывали другие стороны западноевропейской жизни. Когда он в августе 1698 года возвращался в отечество с собранными за полтора года путешествия впечатлениями, Западная Европа должна была представляться ему в виде шумной и дымной мастерской с ее машинами, молотками, фабриками, пушками, кораблями и т. д.»¹⁵.

На самом деле, путешествуя по Европе, Петр I концентрировался на вещах, которые считал самыми насущными для ликвидации технического и экономического отставания России от Европы. Еще до появления таких понятий, как «базис» и «надстройка», он интуитивно понимал, что ликвидация культурного отставания в ситуации, в которой оказалась его страна на исходе XVII столетия, не является делом приоритетным. Относительно же политических реформ царь вообще пребывал в глубоком убеждении, что самодержавие в тех исторических условиях является наиболее эффективной формой управления такой гигантской страной, как Россия, позволяя оперативно концентрировать все имеющиеся ресурсы для реализации масштабных проектов и обеспечения безопасности государства.

Таковы в общих чертах геополитические воззрения Петра и его стратегия, но в ходе путешествия Петр решал прежде всего вполне конкретные прикладные задачи как дипломатического, так и финансового характера. Решал их, зачастую руководствуясь сиюминутными соображениями, а потому многие его действия дают сегодня повод для критики историкам как «западнического», так и «славянофильского» толка.

Но здесь надо учитывать, что царь-реформатор прежде всего думал о дне сегодняшнем и завтрашнем, где самые насущные заботы – усиление армии, создание флота и наполнение государственной казны.

¹⁴ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 73–74.

¹⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. <http://www.magister.msk.ru/library/history>.

В этом контексте понятен, например, радостный энтузиазм, с которым Петр I сообщил из Амстердама в Лондон о договоре, согласно которому одному из английских предпринимателей предоставлялась монополия на продажу табака в России. С финансовой точки зрения полученный от этой сделки аванс в 12 тысяч фунтов стерлингов стал для Великого посольства настоящим спасением. Наем специалистов и различные закупки истощили казну дипломатической миссии. Не удивительно, что в письме, посвященном удачной сделке, Петр I советовал им выпить по три больших кубка вина, что они охотно и сделали¹⁶. О сомнительной «прогрессивности» поступившего в Россию продукта, за потребление которого при Иване Грозном сажали на кол, и автор письма, и адресат предпочитали не задумываться.

Решение денежных проблем было задачей более насущной, нежели опасения по поводу здоровья нации, которой, как считал царь, еще предстояло бороться за свое право на самостоятельное государственное существование. Поэтому никаких терзаний в связи с необходимостью отменить запрещающие курение статьи Уложения 1649 года он не испытывал и даже совсем наоборот – собственным примером способствовал распространению в России табачного зелья.

Однако, будучи прагматиком, ориентированным на решение текущих задач, Петр I оставался, по крайней мере, в начале своей заграничной поездки, еще и немного идеалистом по отношению к Западу. Весьма характерным в этом отношении был его приезд в Вену в июне 1699 года. Узнав о том, что австрийцы без учета интересов России уже договорились с турками о заключении мира, он в совершенно секретной дипломатической переписке пытался апеллировать к аргументам нравственного порядка, что вызывало у партнеров искреннее недоумение.

Впрочем, правильно оценив ситуацию, в дальнейшей своей дипломатической деятельности царь обращался к аргументам нравственного порядка только для официальных заявлений откровенно пропагандистского характера. По части же различного рода закулисных комбинаций он если и не превосходил, то, во всяком случае, не уступал своим европейским партнерам и соперникам.

¹⁶ Митюрин Д.В. Ядовитая история// Всемирный следопыт. 2006. № 4. С. 21–25.

Жизнь по новому времени

Поездка по Европе была прервана после получения известий об очередном стрелецком мятеже. Вернувшись в Россию, Петр I осуществил масштабные репрессии, стоившие жизни примерно 2 тысячам мятежников (пятерым стрельцам царь отрубил головы лично). Однако, несмотря на жестокость расправы, никакого особого резонанса в соседних государствах она не вызвала. В Европе назревала очередная война, да и вообще подобные мятежи подавлялись в те времена с предельной жестокостью.

Гораздо большее впечатление на соотечественников и современников царя-реформатора произвели переход в 1700 году на новую систему летоисчисления («от Рождества Христова» вместо принятого ранее «от сотворения мира») и изданный в декабре 1701 года указ «О ношении всякого чина людям Немецкого платья и обуви и об употреблении в верховой езде немецких седел», а также конкретные мероприятия по его выполнению, прежде всего демонстративное стрижение бород боярам.

Повседневный и праздничный костюмы являются важнейшими атрибутами самоидентификации как конкретных людей, так и целых наций. И то, что если не вся нация, то практически вся ее элита облачилась в новые костюмы, по сути, изменило и общий образ России в глазах Европы.

Имел значение еще один важный момент. Замена национального платья обычно происходила вследствие внешних завоеваний. В данном же случае платье менялось по инициативе российского самодержца. Внешне это выглядело необъяснимо. Не удивительно, что в народе получили хождение слухи, будто царя во время заграничной поездки подменили. Впрочем, высказывать такие предположения слишком громко боялись. Учиненная оппозиции бойня на ближайшие годы обеспечила внутри государства определенную стабильность.

В любом случае, демонстративные действия Петра I по внедрению иноземного платья были вполне рациональными, хотя и не слишком просчитанными. Вот мнение современного историка. «Исследования позволяют выявить личную мотивацию запретов царя на национальную одежду. В них содержится не только стремление навязать свою волю ненавистному боярству, но – и это главное – сознательная государственная политика, направленная на укрепление и развитие России... Платье поднимало простолюдина не только в собственных глазах, но и в общественном сознании. Принудительно изменив форму выражения сословной принадлежности, Петр вовсе не ставил задачи отказаться от понятия „свой – чужой“ (в значении национальный), что, в сущности, является одной из основных функций костюма. В известном смысле это произошло стихийно, так как за первоначальный образец были выбраны голландский, немецкий и французский костюмы, а не известное на Руси еще с XVI века и потому уже обрусевшее польское и венгерское платье»¹⁷.

Костюм традиционно является еще и своего рода подтверждением определенного социального статуса. Петр I не требовал брить бород от крестьян, составлявших подавляющее большинство населения России, а также от духовенства, однако все другие сословия, и прежде всего чиновничество и боярство, должны были кардинально изменить свою внешность, хотя и могли сохранить свою бороду при уплате специального налога.

Сходные по сути цели преследовали и «ассамблеи» – своего рода светские вечеринки, призванные приучить элиту и сословия, из которой ее ряды могли пополняться, к новому образу жизни.

Идя от внешнего к внутреннему, царь настойчиво внедрял западные традиции, преследуя цели сугубо патриотические, заключающиеся в укреплении мощи России.

¹⁷ Кирсанова Р. Пошлина на штаны // Родина. 1997. № 1. С. 42.

Его упорство и последовательность в проведении, на первый взгляд, второстепенных мероприятий зачастую давали позднейшим историкам почву для толков о едва ли не органической неприязни ко всему русскому, и в этом отношении историки, представители академической науки, могут до странности напоминать старообрядцев петровской эпохи, считавших царя Антихристом.

В то же время буйный темперамент царя отнюдь не всегда позволял ему выдерживать рациональную линию поведения. Его плохо контролируемые вспышки гнева могли наводить ужас на окружающих, а многие вполне разумные распоряжения выглядели капризами тирана.

Практика искусственного насаждения западного образа жизни зачастую выглядела ошибочной и вызвала вполне резонную критику со стороны тех, кто считал царя-реформатора человеком, сбившим Россию с ее естественного пути развития. Подобной точки зрения придерживались даже исследователи, далекие от славянофилов. Вот мнение В.О. Ключевского: «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно»¹⁸.

Тем не менее, несмотря на внутреннюю противоречивость подобных действий, нужного эффекта они достигали. «В самых экстравагантных поступках и прихотях царя было свое рациональное зерно, своя логика и глубокий смысл. Расставшись с бородой и длиннополым азиатским платьем, русские легче смогли преодолеть психологический барьер, резко отделявший их от европейцев. Русский должен был осознать себя таким же человеком, как и немец, т. е. любой иностранец-европеец. Ведь вскоре предстояло воевать с ними и побеждать их. Для этого необходимо овладеть европейской культурой и особенно техникой, чего нельзя сделать, не разрушив ксенофобию, закоренелую неприязнь к иноземцам, порожденную татарско-византийскими восточными традициями. Сонная, закоренелая в предрассудках, боярская Русь как бы перемещается во времени и пространстве»¹⁹.

С.М. Соловьев отмечал, что «различие взглядов происходило от громадности дела, совершенного Петром, продолжительности влияния этого дела. Чем значительнее какое-нибудь явление, тем более разноречивых взглядов и мнений порождает оно и тем долее толкуют о нем, чем долее ощущают на себе его влияние»²⁰.

Показательно, что европейскими авторами эффективность реформ Петра I признается практически единодушно, хотя оценки личности царя весьма противоречивы. Взять хотя бы суждение близкого к нашему времени шведского писателя Августа Стриндберга: «Варвар, цивилизовавший свою Россию; он, который строил города, а сам в них жить не хотел; он, который наказывал кнутом свою супругу и предоставил женщине широкую свободу – его жизнь была великой, богатой и полезной в общественном плане, в частном же плане такой, какой получалась»²¹.

В значительной степени такая оценка объясняется тем, что создаваемая Петром I Россия по сравнению с прежней Московской Русью в гораздо большей степени соответствовала представлениям европейцев о цивилизованном государстве. Разумеется, это не значит, что западная модель цивилизации является безальтернативной, но в ту эпоху она в большей степени соответствовала потребностям общественного прогресса.

Интуитивно правоту Петра чувствовали и большинство подданных Петра I. Во всяком случае, успех проведенных им преобразований объясняется именно их назревшей необходи-

¹⁸ Ключевский В.О. Курс русской истории. <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history>.

¹⁹ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 129.

²⁰ Соловьев С.М. Петровские чтения. http://read.newlibrary.ru/read/slovev_s_m.

²¹ Анисимов Е.В. Петр Великий. Личность и реформы. СПб., 2009. С. 76.

мостью, и внешне чуждая форма реформ не отпугивала народ до такой степени, чтобы в стране возникла широкая оппозиция его деятельности. Приведем еще одно мнение В.О. Ключевского: «Необходимость движения на новую дорогу была осознана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»²².

Показательно, что самое сильное вооруженное сопротивление внутри страны царю было оказано восставшими астраханскими стрельцами в 1705–1706 годах и казаками Кондратия Булавина в 1707–1708 годах, хотя причины, вызвавшие эти движения, в общем можно объяснить и наследием, доставшимся Петру I от эпохи отца царя Алексея Михайловича и царевны Софьи.

Впрочем, практически все основные направления как внешней, так и внутренней политики также достались ему от предшественников, включая и главное дело его жизни – Северную войну со Швецией, позволившую России выйти к Балтийскому морю.

Именно в ходе этой войны Россия полноценно и на равных стала принимать участие в делах Европы, выйдя по своему влиянию на один уровень с Францией, Англией, Австрией и заняв в «клубе великих держав» место Швеции.

Однако путь к этому оказался достаточно долгим и тяжелым, и, проходя его, Петру I не раз приходилось совершать действия, которые внешне казались если не откровенно противоречащими интересам России, то направленными, скорее, на удовлетворение капризов ее сомнительных союзников. Однако, идя тем же союзникам навстречу и зачастую жертвуя ради них жизнями своих соотечественников, царь все же всегда имел в виду серьезную стратегическую перспективу, так что в конечном счете каждая из принесенных им жертв оказывалась оправданной, по крайней мере, с позиций макиавеллиевского принципа: «Цель оправдывает средства».

²² Ключевский В.О. Курс русской истории. <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history>.

Романовы и Габсбурги. Начало романа

Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на основные события Северной войны, в которую Петр I вступил, только обзаведясь предварительно союзниками – королем Дании Фредериком IV и курфюрстом Саксонии, королем Польши Августом Сильным. Момент был выбран исключительно точно еще и потому, что самые сильные державы Европы – Англия, Франция, Австрия – оказались скованы войной за испанское наследство (1701–1714 гг.).

Договариваясь с союзниками, Петр I четко заявил, что Россия присоединится к борьбе против Швеции только после заключения мира с Турцией.

И хотя боевые действия Август Сильный начал досрочно, русский царь поступил именно так, как и было оговорено. Однако катастрофическое поражение под Нарвой привело к падению и без того не слишком значительного авторитета Московии на международной арене, хотя, как показали дальнейшие события, имело и позитивные последствия.

Именно после Нарвы, убедившись в слабости России, Карл XII вторгся в Саксонию и Польшу, предоставив Петру время, необходимое для воссоздания армии и строительства полноценного флота. Таким образом, началась сложная и запутанная дипломатическая игра, растянувшаяся почти до конца XVIII века и характерная частой сменой союзников и противников. Аналогичным образом выстраивалась и политика других великих держав, так что известное изречение британского политика Уильяма Питта-старшего (1708–1778): «У Англии нет вечных врагов и вечных друзей, а есть только постоянные интересы» – относилось и к другим великим державам. Впрочем, определенное постоянство в друзьях и партнерах все же сохранялось, хотя и не носило характер догмы. На фоне борьбы России со Швецией происходило формирование официально неоформленного, но существовавшего как факт альянса между Романовыми и Габсбургами, который базировался на трех факторах:

- идеологической близости и схожести типа устройства многонационального государства;
- отсутствию серьезных противоречий по зонам влияния;
- наличию общих противников.

Впоследствии Романовых чаще всего обвиняли в том, что на внешнеполитической арене они обслуживали интересы Австрии, ввязываясь из-за нее в конфликты с поляками, французами, англичанами, за что, разумеется, получали черную неблагодарность. И все равно, по мнению ряда историков, с достойным лучшим применением упорством российские монархи наступали на одни и те же грабли, прощая ненадежного союзника и ввязываясь из-за него в новые неприятности.

В реальности никаких особых иллюзий по поводу «австрийских партнеров» российские монархи и их верные дипломаты никогда не испытывали и никогда на поводу у Габсбургов не шли, если это не объяснялось вполне прагматичными соображениями. Более того, Романовы избегали чрезмерного сближения с Габсбургами. Характерно, что лишь один раз и то очень ненадолго дипломатический альянс двух венценосных семейств был подкреплён и альянсом династическим. Но об этом позже.

«Первое знакомство» (заочное) Габсбургов и Романовых произошло еще в 1670 году и объяснялось естественным стремлением к сближению, вызванным турецкой угрозой. Фактор Османской империи играл серьезное значение вплоть до конца XVIII века, когда после побед П.А. Румянцева, А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова Турция не превратилась из «великой державы» в «больного человека Европы». Необходимость заботиться о безопасности своих южных рубежей примерно в равной степени тревожила и Романовых, и Габсбургов, сковывая их активность в других регионах. Таким образом, заинтересованность была обоюдной.

Конкретно на рубеже XVII–XVIII веков Австрия заинтересована в расширении своего влияния в Германии и удачном решении испанского вопроса, а Россия – в борьбе против Швеции. Занимаясь решением этих проблем и не сковывая себя взаимными обязательствами, Москва и Вена стремились поддерживать дружелюбные контакты на случай необходимости совместного отпора турецкой агрессии. Петр I, помня о двуручнической позиции Австрии в 1698–1699 годах, разумеется, не испытывал никаких иллюзий по поводу надежности партнера, но понимая, что обиды в дипломатии бессмысленны, первым инициировал очередное сближение. Произошло это как раз вскоре после неудачного сражения под Нарвой, и не удивительно, что прибывший в Вену в качестве российского представителя князь Петр Алексеевич Голицын встретил в Вене прием холодный и пренебрежительный.

Искусство дипломатов, не подкрепленное силой, стоило немногого. Тот же Голицын писал царю: «Всякими способами надо домогаться получить над неприятелем победу... Хотя и вечный мир заключим, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему государю хотя малая виктория, которой бы имя его по-прежнему во всей Европе славилось: тогда можно и мир заключить. А то теперь войскам нашим и войсковому управлению только смеются. Никак не могу видеть министров, сколько не ухаживаю за ними: все бегает от меня и не хотят говорить»²³.

Голицыну хотелось поговорить о возможности австрийского посредничества в целях заключения мира со Швецией. Имперские дипломаты мягко спустили этот вопрос на тормозах, но на всякий случай поддерживали вялый диалог с Москвой и даже обсуждали матримониальные планы. Летом 1701 года от имени императрицы Элеоноры-Магдалены объявлено о намерении обсудить возможность заключения брака эрцгерцога (наследника престола) с одной из русских царевен. Из России прислали портреты трех царевен, дочерей покойного брата-соправителя Петра Ивана V – Екатерины (11 лет), Анны (9 лет) и Прасковьи (7 лет).

Кроме того, обсуждалась возможность прислать в Вену на воспитание сына и наследника реформатора – царевича Алексея. Все эти проекты так и не были реализованы, зато имели продолжение, когда военная фортуна склонилась в сторону русских.

Здесь интересен тот факт, что ранее Романовы никогда не заключали браков с представителями и представительницами иностранных правящих домов и даже гипотетическая возможность подобных союзов ранее практически не обсуждалась. Тем более в принципе не рассматривалась возможность воспитания наследника Российского престола при иностранном дворе, хотя, как видно, Петр I задумал организовать для своего сына некое подобие образовательной поездки, вроде той, которую он сам предпринял в ходе Великого посольства. И хотя план этот так и не был реализован, именно царевич Алексей стал первым представителем Романовых, вступившим в брак с иностранной принцессой.

Правда, прежде чем это случилось, произошло множество событий, кардинально изменивших и ход Северной войны, и положение России в Европе.

Воспользовавшись тем, что Карл XII сосредоточился на борьбе с Августом Сильным, Петр I в 1701–1706 годах спокойно строил флот и методично вытеснял слабые шведские силы с южного побережья Финского залива, Эстляндии и Лифляндии. В упрек царю обычно указывают на два факта: во-первых, для продолжения борьбы курфюрсту выплачивалась астрономическая субсидия около 150 тысяч рублей ежегодно, во-вторых, на помощь ненадежному союзнику периодически отправлялись крупные воинские контингенты, зачастую используемые в качестве «пушечного мяса».

Так, в битве при Фрауерштадте 2 (13) февраля 1706 года саксонцы бежали с поля сражения, что привело к окружению и разгрому четырех русских полков и гренадерского батальона. Победители учинили жестокую расправу над пленными: «Россияне також многие побиты, а

²³ Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 1991. С. 72.

которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил, по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардона (или пощады) не давать, и ругателски положи человека по 2 и по 3 один на другого кололи их копьями и багинетами. Таким варварским способом шведы истребили 4 тыс. обезоруженных русских пленных после боя»²⁴.

Самый именитый историк сталинского времени Е.В. Тарле определил количество убитых в четыре тысячи. Возможно, данное число завышено, однако сам факт столь жестокой расправы, с одной стороны, лег кровавым пятном на репутацию шведской армии, а с другой – характеризует отношение позиционирующих себя в качестве «цивилизованных» европейских народов к «русским варварам»²⁵.

Весьма характерным можно признать и отношение «саксонцев», которые, кажется, считали себя совершенно свободными от каких-либо моральных обязательств перед союзниками. Тональность здесь задавал сам Август Сильный, чей цинизм еще с большей наглядностью был продемонстрирован в следующем крупном сражении – битве при Калише (18 (29) октября 1706 г.).

Вместо разбитого вспомогательного корпуса Петр I прислал корпус А.Д. Меншикова, не зная, что его союзник уже заключил сепаратный мир со шведами. Царский любимец настоял, чтобы саксонцы помогли ему напасть на части генерала Мардерфельда (7 тыс. шведов и 20 тыс. поляков). Август II не рискнул отказаться.

Войско Меншикова (17 тыс. русских и 15 тыс. саксонцев) успешно атаковало и захватило лагерь противника. Только в плен попало 1,8 тысячи шведов, в том числе и сам Мардерфельд. Потери русских составили около 400 человек убитыми и ранеными. В письме царю Меншиков делился радостью: «...такая была баталия, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились, и зело чудесно видеть, как все поле устлано мертвыми телами»²⁶.

Август Сильный, отделившись от Меншикова, вернул шведскому королю с извинениями всех пленников, а русскому корпусу пришлось срочно отходить в Белоруссию. И в завершение всего курфюрст выдал Карлу XII специального представителя царя и бывшего шведского подданного Иоганна Рейнгольда Паткуля, который как государственный изменник был предан мучительной казни – колесованию.

Однако все эти подлости и предательства, которые Петр I претерпел от Августа Сильного, по большому счету компенсированы выигрышем во времени. Боевые действия в Саксонии и Польше потребовали от России значительных человеческих и финансовых жертв, однако, начись вражеское вторжение не в 1708 году, а двумя-тремя-четырьмя годами ранее, исход его мог бы оказаться трагическим для России. И разумеется, количество жертв оказалось бы большим; ведь каждый выигранный перед решающей схваткой год позволял набрать дополнительные обороты создающейся русской промышленности, позволял ввести в строй новые корабли, давал сухопутным войскам дополнительную возможность «потренироваться» на сильном, но не слишком многочисленном противнике, в условиях, когда даже поражение не грозило катастрофическими последствиями.

Победа при Полтаве в 1709 году волшебным образом изменила и положение России, и отношение к ней со стороны европейских соперников и партнеров. Разгромленные и заключившие сепаратные миры со Швецией Фредерик IV и Август Сильный снова бросили вызов Карлу XII.

²⁴ Цит. по: Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 2011. С. 118.

²⁵ Беспалов А.В. Русский вспомогательный корпус на службе Саксонии в эпоху Великой Северной войны // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 5. М., 2005. С. 234–249.

²⁶ Цит. по: Александр Данилович Меншиков // Градоначальники. Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург. СПб., 2003. С. 54.

Впечатление от исхода битвы было столь оглушительным, что даже проигранная Петром война с турками (1711 г.) почти не поколебала резко возросший авторитет русского монарха.

Неудача в Прутском походе – следствие плохой подготовки, которая, в свою очередь, объяснялась стремлением царя к развитию успехов. Понесенное поражение стало для него своего рода охлаждающим душем, и в дальнейшем в своих внешнеполитических и военных акциях Петр действовал с гораздо большей осторожностью.

К счастью, в своей осторожности царь не ударился в противоположную крайность. Едва восстановив армию после Прутского похода, он тут же развернул наступательные кампании в Карело-Финском регионе и в Померании. При этом в Германии в 1713 году Петр лично руководил боевыми действиями, понимая, что разворачивающиеся события заметно влияют на расстановку сил в масштабах Европы.

По ходу Померанской кампании русская армия познакомилась с северогерманским театром боевых действий, а в плане дипломатическом Россия не только обзавелась новым партнером в лице Пруссии, но и основательно погрузилась в дела раздробленной на множество мелких государств Священной Римской империи.

Борьба за преобладание в германских землях традиционно велась между великими державами Европы, пытавшимися даже не столько установить свою гегемонию, сколько испортить жизнь Габсбургам, традиционно восседавшим на имперском престоле.

Россия, ставшая серьезным игроком в Северной Германии, связанная союзами с двумя другими влиятельными игроками – датским королем и саксонским курфюрстом, – тоже получала дополнительный рычаг влияния на Вену и даже педалировала свои возможности, заигрывая, например, с лидером антиавстрийского восстания в Венгрии Ференцем II Ракоци²⁷.

Завершение войны за испанское наследство (1701–1714 гг.) не слишком изменило ситуацию. С одной стороны, Россия стала полноценным участником европейского «концерта» великих держав, с другой – сложная дипломатическая игра, основанная на выстраивании кратковременных альянсов, предполагала и решение стратегических задач, определяющих политику России в долгосрочной перспективе.

Но эти задачи еще следовало сформулировать, а вектора движения – нащупать. Конкретно в начале XVIII века альянс с Австрией выглядел особенно перспективно, поскольку речь шла именно о сильном соседе, не претендовавшем на вещи, принципиально важные для России.

Средством закрепления подобных альянсов всегда являлись междинастические браки, и к этой идее Петр I с удовольствием вернулся. Речь шла о том, чтобы женить своего сына и наследника царевича Алексея на одной из представительниц рода Габсбургов. И здесь самое время взглянуть в противоречивую натуру сына и антипода царя-реформатора, с которого чисто русская кровь Романовых начала разбавляться немецкой кровью...

²⁷ Корзун С.Г. Представитель Петра I в Вене Генрих фон Гюйссен и Освободительная борьба под предводительством Ференца II Ракоци// Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии. СПб., 2003. С. 65–75.

Царевич Алексей и принцесса Шарлотта

Родился Алексей 18 (28) февраля 1690 года в подмосковном селе Преображенском, когда Петр еще состоял в браке с его матерью – представительницей старого боярского рода Лопухиных Евдокией Федоровной. Когда мальчику было восемь лет, родительницу постригли в монастырь, а Петр зажил холостяком, пустившись во все тяжкие, пока в 1712 году официально не узаконил свои отношения с «метрессой» Екатериной Скавронской – простой крестьянкой, попавшей в плен к русским в 1702 году при взятии Мариенбурга²⁸. Отсюда многие историки делают вывод, что Алексей не мог простить отцу расправы над матерью, что, впрочем, не находит никаких подтверждений. Во-первых, времени привязаться к ней у него в общем-то не было, поскольку до пяти лет он воспитывался бабушкой, а с восьми лет угодил под опеку тетушки Натальи Алексеевны, причем и та и другая никак не могли настраивать его против батюшки, а совсем напротив – были заинтересованы сглаживать все имевшиеся между ними шероховатости. И, видимо, им это удавалось. Во всяком случае, никто из иностранцев, бывавших в начале XVIII века в России, не отмечал, что сын недоволен отцовскими реформами и находится к ним в какой-то оппозиции. Грянувший в 1716 году скандал стал для европейцев полным сюрпризом.

Правда, образование Алексея оставляло желать лучшего. Первого своего наставника Никифора Вяземского он частенько поколачивал, а духовника Якова Игнатьева драл за «честную браду». Однако никакой аллергии к Европе не испытывал, хотя тяготел больше не к протестантским Англии и Голландии, а к католическим Австрии и Италии. Но все же это не боязнь реформ и желание забиться за печку, какие ему приписывают. Да и с образованием дело пошло на лад, когда место наставника занял барон Гюйссен, под началом которого он занимался немецким и французским языками, изучал «четыре части цифири», твердил склонения и падежи, писал атлас и читал историю. Правда, живя до 1709 года в основном в подмосковном селе Преображенском, наследник престола окружил себя попами и монахами, которые к петровским реформам относились не слишком позитивно.

²⁸ Павленко Н.И. Екатерина I. М., 2010. С. 108–115.

Царевич Алексей

В то же время в 13-летнем возрасте, пускай и формально, но как солдат бомбардирской роты царевич участвовал в осадах Ниеншанца и Нарвы. Затем получил нагоняй от отца, узнавшего, что сын переписывается с матерью, и был отправлен проветриться с инспекциями сначала в Смоленск, затем в Первопрестольную. И судя по отсутствию письменных нагоняев, выполнил задание вполне достойно.

После Полтавской битвы, видимо, озаботившись монастырским окружением, царь отправил своего сына в Дрезден заниматься наукой, учиться европейским манерам и одновременно подготовиться к браку с европейской принцессой.

Связь Романовых с Габсбургами должна была укрепить женитьба царевича на принцессе Шарлотте Кристине Софии Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1694–1715), являвшейся родной сестрой супруги наследника австрийского престола. Любопытно, что брачный договор

утвердили 19 апреля 1711 года – через день после кончины императора Иосифа I, преемником которого и стал Карл VI – новый родственник российского государя.

Принцесса Шарлотта Кристина София Брауншвейг-Вольфенбюттельская

Показательно, что по условиям брачного договора принцесса имела право на сохранение лютеранского вероисповедания, причем царь обещал даже построить ей персональную церковь. В дальнейшем переход в православную веру был обязательным условием вступления в брак с представителем Дома Романовых.

В связи с состоявшимся бракосочетанием английский посланник Витворт сообщил из Москвы, что народ «втихомолку ропщет и не может скрыть своего недовольствия по поводу вероисповедания новобрачной»²⁹.

Первые два года супруги провели в Европе, причем зачастую вдали друг от друга, поскольку царевич Алексей выполнял поручения своего родителя, касающиеся снабжения русских войск в Померании. Прибыв в Россию, она первые месяцы тоже не видела своего супруга, который отправился наблюдать за постройкой судов на Ладоге.

Вообще, если судить по придворным журналам, вплоть до ссоры с отцом царевич Алексей достаточно деятельно участвовал в государственном управлении, что, правда, негативно отражалось на его семейной жизни. Тем не менее один за другим на свет у супругов появились двое детей – дочь Наталья (1714–1728) и сын Петр (1715–1730). Это первые представители семейства Романовых, в жилах, которых текло 50 % немецкой крови.

Возможно, если бы не кончина принцессы, умершей при родах сына, история России могла бы пойти по-другому.

Царевич Алексей не был принципиальным противником курса на вестернизацию, хотя, в отличие от родителя, ориентировался на Европу не в протестантском (англо-голландском) ее варианте, а, скорее, в католическом (австроитальянском). Здесь многое зависело от личного опыта, поскольку, как показывает практика, россиянам свойственно больше симпатизировать той стране, с которой у них связан первый вояж за границу. Царевича Алексея привязывало к католическому миру и его родство с Габсбургами (через супругу), предполагавшее наличие определенных взаимных политических обязательств.

Частной, но в определенной степени характерной деталью можно считать то, что любовница Алексея Петровича, фактически ставшая после кончины принцессы его гражданской супругой, некая Ефросинья Федорова, упоминается в источниках как крещенная «чухонка», т. е. финка по национальности. Скорее всего, она происходила из угнанных в Россию в ходе боевых действий подданных Шведского королевства, и в этом ее судьба схожа с судьбой Екатерины Скавронской, которая тоже была шведской подданной, хотя и не ясно – эстонкой, латышкой, литовкой или полячкой по национальности.

Поневоле закрадывается подозрение, что царевич Алексей пытался подражать отцу и старался быть ему соратником. Вполне вероятно, что супружеская жизнь с немецкой принцессой не только придала бы ему степенности, но и упрочила положение при Дворе, поскольку в глазах окружающих он обладал тем главным и основным преимуществом, что являлся законным наследником царя-реформатора.

Однако неуравновешенность Петра и интриги мачехи Екатерины Алексеевны, мечтавшей избавиться от пасынка, чтобы протолкнуть на престол своего новорожденного сына Петра Петровича, нервировали царевича, и он стал допускать ошибки, которые постепенно расширяли пропасть между ним и родителем.

Слушая не только Екатерину, но и таких ориентировавшихся на нее придворных, как Меншиков, царь начинал видеть в Алексее не просто противника своих преобразований, но и лидера до поры до времени затаившейся консервативной оппозиции.

В день похорон Шарлотты царь публично вручил сыну письмо, в котором отчитал его за то, что он «не выказывает склонности государственным делам», убеждал исправиться и грозился в противном случае отстранить от наследования престола с перспективой пострижения в монахи³⁰.

²⁹ Морохин А. «Аншальт учинить». Несчастливая супруга царевича Алексея // Родина. 2007. № 11. С. 103–108.

³⁰ Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович. Самодержавный отрок. М., 1989. С. 17.

Царевич вполне логично увидел в этом письме-ультиматуме свидетельство триумфа своих возглавляемых Екатериной противников и вместо дальнейшей борьбы предпочел бежать вместе с Ефросиньей в Австрию.

Габсбурги в этот период по ряду причин были заинтересованы в ослаблении России и вполне могли попытаться разыграть карту с беглым царевичем. Однако геополитическая ситуация менялась быстро, и первоначальный энтузиазм у австрийцев быстро угас. Алексея, впрочем, приняли с почетом, но до поры до времени спланировали в Неаполь.

Петр между тем забил тревогу, и вскоре в Австрии появились его эмиссары Петр Толстой и Александр Румянцев (отец будущего полководца). От греха подальше царевича перевели сначала в замок Эренберг в Тироле, а затем – в неаполитанский замок Сент-Эльмо, где его и настигли отцовские эмиссары.

Организовать похищение цесаревича по причине технических сложностей они не рискнули, зато применили психологический прессинг. Алексея убеждали, что Карл VI уже согласен выдать его России, что помощи он ни от кого не дожидается. В отчаянии Алексей обратился к шведскому королю Карлу XII, который обещал ему военную помощь. Правда, сам Карл после Полтавы все еще укрывался в Турции и помочь мог только в весьма отдаленном будущем. Да и обнадеживающий ответ его уже не застал адресата.

К решению вернуться в Россию Алексея подтолкнула Ефросинья. Забеременев, она беспокоилась и за будущего ребенка, и за собственную судьбу, тем более что перспективы Толстой рисовал ей весьма мрачные. О выдаче в Россию он говорил как о деле решенном, настаивая, что лучше самим принести повинную голову, обещая прощение, спокойную и обеспеченную жизнь обоим влюбленным сразу, а уж Ефросинье гарантированно. В общем, не устояв перед ее слезами, Алексей решил ехать на родину.

Сначала казалось, что это решение правильное. Царь принял Алексея вполне милостиво, и хотя лишил прав на престол, но объявил прощение, правда, оговорив, что для начала следует признаться во всех ранее имевшихся злодейских замыслах³¹.

Алексей рассказал, что действительно многие мечтали о его воцарении, и назвал несколько имен, что привело к открытию двух, говоря по-современному, уголовных дел. По ходу «Суздальского розыска» выяснилось, что об этом мечтала жившая в монахинях бывшая царица Евдокия (инокиня Елена), которая к тому же сожительствовала с приставленным охранять ее майором Глебовым. Майора жестко казнили, хотя собственно к государственной измене все это отношения не имело.

«Московский розыск» установил нечто более серьезное – роль влиятельного чиновника Александра Васильевича Кикина как своего рода вдохновителя кружка, мечтавшего (но далее разговоров не двигавшегося) свергнуть Петра и поскорее посадить на его место Алексея.

Но главный поворот произошел после того, как Ефросинья поведала о замыслах Алексея усесться на престол с помощью австрийцев. На очной ставке царевич, хотя и с оговорками, признал справедливость обвинений. При этом никаких документов о том, что до очной ставки их пытали, не существует. Известно лишь, что Ефросинью до этого допрашивал сам Петр, а царевич мог согласиться с ее показаниями, боясь за возлюбленную, которая к тому же находилась в положении.

В любом случае, самого Алексея после очной ставки решили бить кнутом, что, вероятно, и послужило причиной его смерти, последовавшей 26 июня 1718 года. При этом суд вынес Алексею смертный приговор, который Петр I мог как отменить, так и привести в исполнение³².

³¹ Розыскное дело цесаревича Алексея. <http://maxpark.com/community/506/content/1672247>.

³² Костомаров Н.И. Царевич Алексей Петрович. Самодержавный отрок. М., 1989. С. 21.

Судьба Ефросиньи Федоровой неизвестна. По одной версии, ее постригли в монахини, по другой – выдали замуж за офицера драгуна. Неизвестна и судьба рожденного ею от Алексея ребенка.

Большая политика и династический тупик

Таким образом расчищался путь к престолу для детей Петра I и Екатерины Савронской, которые, учитывая происхождение царицы, были русскими только наполовину.

Россия в этот период находилась на пике своего могущества. Весной 1714 года войска князя Михаила Михайловича Голицына (1675–1730) разбили шведов при Лапполе, что открыло дорогу к скорому завоеванию всей Финляндии. В августе еще более значимая победа одержана при Гангуте, где русский галерный флот под непосредственным командованием Петра I и Ф.М. Апраксина уничтожил эскадру шведского контр-адмирала Эреншельда у Гангута. Это сражение считается первой крупной победой в истории Русского флота.

В 1719 году отряд капитана Наума Акимовича Сенявина (?-1738) у острова Эзель выиграл бой против отряда капитан-командора Врангеля. В качестве трофея русским досталось три вражеских корабля.

И наконец, в августе 1720 года у острова Гренгам воевавший на море столь же успешно, как и на суше, М.М. Голицын добился еще одной крупной «виктории», разбив эскадру К.Г. Шеблада. Шведы потеряли 1 линейный корабль, 4 фрегата, 3 галеры и 6 небольших судов. Показательно, что битва происходила на виду у расположившейся неподалеку британской эскадры, которая своим присутствием должна была демонстрировать русским мощь британского флота и как бы «страховать» шведов. Однако присутствие англичан ничего не изменило.

Военное превосходство армии и флота Петра I над противником было очевидным, а если учесть еще и колоссальную разницу в экономическом и демографическом потенциалах, становится очевидным, что война для Швеции абсолютно бесперспективна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.